

В школе было много чему учить: как самостоятельно умываться, как одеваться — всё это приходилось осваивать постепенно. Малышей по четверо водили за руку из комнаты, держась за одежду впереди идущего, и они, как маленький поезд, шли в умывальную.

Чи Ку не нуждался в обучении. Пока маленькие слепые дети только организовывались, он уже успел умыться и почистить зубы. Тао Хуайнань временно отпустил его, следуя указаниям бабушки.

Но это было лишь временно. Как только они вышли из умывальной, снова построились в цепочку и, держась за одежду впереди идущего, вернулись в комнату. Тао Хуайнань схватил одежду Чи Ку и держал её крепко.

Так они и остались жить в школе.

Школа для слепых, конечно, отличалась от обычной школы, но не так уж сильно. Первым делом они начали изучать шрифт Брайля — это был их первый шаг к познанию культуры. Помимо этого, были и другие предметы, похожие на те, что преподают в обычной школе: язык, математика, иностранный язык, музыка, физкультура, труд.

Тао Хуайнань, за исключением своей пугливости, адаптировался довольно хорошо. Остальные дети в классе тоже плакали всё меньше. Первые два дня учителя мягко успокаивали их, но с третьего дня стали более строгими, начали устанавливать правила и постепенно ужесточать дисциплину.

Парты Тао Хуайнаня и Чи Ку, стоявшие рядом, были раздвинуты, но они сидели друг за другом, и Тао Хуайнань, поворачиваясь, мог дотянуться до стола Чи Ку.

С понедельника по пятницу — эти пять дней для детей казались вечностью.

В четверг вечером Тао Хуайнань лежал в кровати, сжимая в руках свёрнутое полотенце, и тихо думал о брате.

Полотенце дала бабушка, увидев, как они каждую ночь тянут руки через спинку кровати, чтобы держаться за руки. Она нашла полотенце, протянула его через спинку, и они держались за разные концы.

Каждый вечер перед сном Тао Хуайнань брал один конец в руку, и если не слышал звуков, слегка дёргал. Если Чи Ку не спал, он тоже отвечал движением.

Завтра он сможет вернуться домой, брат приедет за ним после обеда.

Тао Хуайнань снова захотелось плакать. Он слегка дёрнул полотенце.

Чи Ку пошевелился, и Тао Хуайнань тихо позвал:

— Чи Ку.

В его голосе уже слышались слёзы. Чи Ку ответил:

— Только не плачь.

Его голос всегда звучал резко, и Тао Хуайнань надул губы:

— Я скучаю по брату.

Чи Ку не ответил, и Тао Хуайнань уже привык к этому. Ну и ладно. Он отпустил полотенце и перевернулся на другой бок.

Чи Ку на той стороне закрыл глаза, чувствуя сильную усталость. Полотенце лежало под его головой, и он чувствовал, как Тао Хуайнань шевелится.

Тао Хуайнань полежал немного, затем снова повернулся и снова взял полотенце, слегка сжав его в руке.

В пятницу, как только закончились занятия, Тао Сяодун пришёл за ним. Первоклассники выходили, держась за одежду впереди идущего, как маленький поезд. Тао Хуайнань, хотя и не мог видеть, повернул лицо в сторону входа, сердце его билось от нетерпения.

Детей выводили по одному, и когда дошла очередь до Тао Хуайнаня, Тао Сяодун схватил его за талию, поднял и крутанул вокруг себя. Тао Хуайнань хотел и плакать, и смеяться одновременно. Он положил руки на руку брата, пальцы ласково щекотали кожу.

Тао Сяодун посадил его себе на шею, и Тао Хуайнань, сидя верхом, держался за голову брата, теребя его уши. Одной рукой Тао Сяодун держал его за ногу, а другой положил на плечо Чи Ку.

Тао Хуайнань радостно кричал:

— Брат!

Тао Сяодун слегка укусил его за руку, затем потрепал шею Чи Ку и спросил, не надоел ли ему этот маленький проказник.

— Я не надоедал, — тихо сказал Тао Хуайнань сверху.

Чи Ку внизу покачал головой.

Дети — самые странные существа. Они чувствительны и тонки, их мысли хоть и легко угадать, но иногда взрослые всё равно не могут их понять.

Эти двое, вернувшись из школы, снова перестали общаться. Чи Ку всегда держался в стороне, и когда Тао Хуайнань заговаривал с ним, он молчал, и тогда Тао Хуайнань тоже замолкал.

Дома они вели себя так же, как до школы, будто те пять дней, проведённые вместе, держась за руки, никогда не существовали. Тао Хуайнань играл только с дедушкой Ши, и, услышав голос Чи Ку, поворачивал голову, но, видя, что тот не останавливается, снова отворачивался.

Тао Сяодун не знал, смеяться ему или плакать. Взрослым не нужно вмешиваться в детские дела, у них есть свои способы разрешения конфликтов. Тао Сяодун специально выделил время на выходных, чтобы побыть с братом. Тянь И позвал их на обед, и Тао Сяодун взял их с собой.

Тянь И был хорошим другом брата и ещё учился.

Тао Хуайнань очень нравился голос Тянь И. Он всегда говорил с улыбкой, а люди, которые часто улыбаются, нравятся детям.

Он поднял Тао Хуайнаня и покружил с ним, затем сказал, что тот стал тяжелее.

— Он похудел, — сказал Тао Сяодун, глядя на Тао Хуайнаня. — Школа его измотала.

— Ничего, скоро всё наладится. Первое время после начала учёбы всегда стресс, — Тянь И поиграл с мышцами на руке Тао Хуайнаня.

Теперь он пил меньше молока, учителя не разрешали пить так много. Молоко в школе было жидким, с неприятным вкусом.

Тао Хуайнань не мог съесть много за завтраком и не любил яйца. Он привык пить молоко, и теперь, когда его количество уменьшилось, к утру он часто чувствовал голод.

Он долго рассказывал брату о своих переживаниях, и тётушка Тянь быстро принесла две чашки молока, говоря с улыбкой:

— Давайте скорее напоим нашего маленького Наня.

Тао Сяодун откинулся назад и позвал Чи Ку, чтобы тот пришёл выпить молока.

Чи Ку подошёл, залпом выпил молоко и сам пошёл на кухню помыть чашку. Тётушка Тянь, стоявшая на кухне, сказала, что ему не нужно мыть чашку, и предложила фрукты, но он покачал головой и снова вышел на улицу.

— Что с этим ребёнком? — тихо спросил Тянь И у Тао Сяодун. — Он всегда такой?

Тао Сяодун кивнул:

— Не любит разговаривать.

— Слишком не любит, — Тянь И смотрел на него с некоторым беспокойством.

Тао Сяодун не стал продолжать. Чи Ку всегда был таким, и они к этому привыкли. Тянь И видел его всего несколько раз, и каждый раз он был таким, что вызывало некоторое недоумение.

— Только бы он не пошёл по стопам своей семьи, — Тянь И вспомнил семью Чи Ку и почувствовал головную боль. Когда Тао Сяодун впервые привёл его, Тянь И сразу сказал, что это не очень хорошая идея, ведь взгляд этого ребёнка был отстранённым.

— Не думаю, — ответил Тао Сяодун.

Тянь И был другом Тао Сяодун много лет и всегда думал о его интересах. Он тихо сказал:

— Только бы ты не вырастил волчонка.

Тао Сяодун ответил, что этого не случится.

При Тао Хуайнане Тянь И не мог сказать больше. Взрослые разговоры не должны быть слышны детям, они должны оставаться чистыми и наивными.

Тао Сяодун посмотрел на Чи Ку, стоявшего на улице, и сказал:

— Просто он слишком осторожен, никогда не был в нормальном общении. Всё придёт со временем.

Тянь И тоже посмотрел на улицу и не стал продолжать.

Тао Хуайнань слушал их разговор о Чи Ку, не зная, что думать. Его большие глаза были неподвижны, и он слушал очень внимательно.

Тао Сяодун намеренно сказал:

— Они не ладят и не играют вместе.

Тянь И ответил:

— Я вижу.

Тао Сяодун подмигнул, и Тянь И сразу понял. Двое взрослых намеренно поддразнивали маленького слепого ребёнка. Тянь И сказал:

— Посмотрим, если Наню не понравится, мы можем отправить его обратно.

Тао Хуайнань заметно выпрямился и моргнул.

— Что случилось? — Тао Хуайнань начал теревить узор на обивке дивана. — С Чи Ку всё в порядке...

Двое взрослых переглянулись и засмеялись. Тянь И добавил:

— Он не разговаривает, вы не ладите, может, стоит заменить его.

Тао Хуайнань сжал губы, недовольный:

— Мы ладим.

Выслушав всё и дойдя до того, что его хотят отправить обратно, Тао Хуайнань соскочил с колен Тянь И, открывая и закрывая рот, не зная, что сказать. Он стоял некоторое время, а затем выдавил:

— Мы очень ладим.

Сказав это, Тао Хуайнань хотел уйти, но чуть не упал на журнальный столик, и Тянь И снова схватил его за талию и посадил к себе на колени. Он щекотал его руки и живот, играя с ним, как с большой куклой.

Будь то друзья брата или старшие, никто не мог не любить Тао Хуайнаня. Он был таким послушным, в чужом доме никогда не шумел, мог спокойно играть с любой вещью, которую ему давали, и никогда не доставлял хлопот взрослым.

Белый, мягкий и с запахом молока — он был именно тем красивым ребёнком, которого все взрослые обожали.

Судьба действительно несправедлива. Такой хороший ребёнок, с большими чёрными и блестящими глазами, которые так живо смотрели по сторонам, но, к сожалению, был слепым.